

С.И.Каспэ
**ЕЩЕ О ПОНЯТИИ
 ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ:
 ФОРМА И СУБЪЕКТ**
ОТВЕТ МИХАИЛУ ИЛЬИНУ

Распалась связь привычная вещей;
 Не держит центр, захвачен мир безвластьем,
 На волю вырвался поток кровавой мути,
 Все ритуалы очишенья затопив.

Уильям Батлер Йейтс
 (пер. Н.Науменко и С.Силаковой)

Ключевые слова: политическая форма, метафора, центр, политический субъект, политический актер

Затеявшаяся на страницах «Политии» дискуссия о понятии политической формы¹, конечно, не спонтанна; учинить ее мы с Михаилом Васильевичем договорились лично и очно. Спор этот, правда, принял неожиданный и неудобный для меня оборот: мои скромные изыскания в интересующей нас обеих области политической науки оказались осыпаны настолько неумеренными похвалами, что я почувствовал себя заключенным в своего рода «золотую клетку». Чтобы двигаться дальше, из нее нужно найти выход; и я вижу его только в том, чтобы решительно взломать ту интеллектуальную конструкцию, в которой невольно оказался заперт. Взлом — иногда необходимое, но всегда грубое действие. Поэтому перед тем, как приступить к делу, я хочу — обязан — выразить глубочайшее почтение к коллеге Ильину. Его труды оказали на меня колоссальное влияние². Однако то представление о научной этике, которое мы оба разделяем и которое нас тем самым объединяет (велик русский язык!), требует сейчас отложить в сторону *этикетные* соображения и далее высказываться без оглядки на них. К чему и приступаю.

Но сначала следует назвать те линии полемики, которые мне кажутся бесперспективными, не ведущими за пределы клетки. Прежде всего, я считаю ненужным вступаться за тех авторов, на чьи исследования я ориентировался (Этьен Балибар, Пьер Манан, Александр Мотыль, Шелдон Уолин, Карл Шмитт и др.), — несмотря на то что они удостоились от Ильина более или менее уничижительных и, на мой взгляд, в основном несправедливых оценок. Да, я по-прежнему полагаю, что мои «фавориты» внесли не меньший вклад в политическую науку, чем

¹ Каспэ [Kaspe] 2012; Ильин [Ilyin] 2014, 2015.

² *И не только труды. Та персональная помощь и, я бы сказал, защита, которой на протяжении 18 лет одаривал меня Михаил Васильевич в ходе всех поворотных событий моей научной биографии, неоценима и неопишуема.*

«фавориты» Ильина (а «в среднем», пожалуй, и больший). Но тут дело вкуса; о вкусах не стоит спорить.

Затем, я не намерен дискутировать с Ильиным по вопросам лингвистическим и этимологическим. Его познания в этих областях неизмеримо шире моих, и если Ильин полагает, например, что латинская *forma* не только не производна от греческой *μορφή*, но и «противостоит» ей³, то мне остается только смиренно принять его суждение как безусловно авторитетное (не забывая, впрочем, о существовании иных и тоже вполне авторитетных точек зрения на этот счет, на которые я и ссылался).

³ Ильин [Пуин] 2014: 61.

Далее, я не хочу вдаваться в обсуждение тонких дистинкций «понятий, метафор и когнитивных схем»⁴ (и тем более «понятийных метафор и метафорических понятий»⁵). Конечно, есть исследовательские цели, для достижения которых эти различия чрезвычайно важны.

⁴ Ильин [Пуин] 2015: 91.

⁵ Там же: 89.

Но я ставил перед собой другие цели, и для их достижения было вполне достаточно оттолкнуться от того основательного положения, что человеческие мысль и язык метафоричны по самой своей природе, что именно «переносы смысла» являются основным способом нашего обращения с реальностью и что, следственно, никакие «циклы тривиализации и детривиализации» терминов и концептов, о которых пишет Ильин, их фатальной метафоричности упразднить не в состоянии.

⁶ Там же: 91.

Я вовсе не впадал в иллюзию «полного и безоглядного воспроизведения метафоры»⁶ как единственно возможного модуса ее функционирования — просто потому, что, не сомневаясь в самом существовании этого и других модусов, совсем их не изучал, не проводил соответствующих градаций. Поэтому выпад Ильина («Подобного рода мыслительные ухищрения являются уловкой разума (*List der Vernunft*), столкнувшегося с непереносимой сложностью и многоликостью мира, с множественностью переходов от действительности к мысли и обратно»⁷), мне кажется, сделан не по адресу — какие уж тут ухищрения? Наоборот, сплошные упрощения.

⁷ Там же: 89.

Причем сознательные — бритва Оккама и так порядком затупилась от редкого использования, а без этого инструмента интеллектуальную гигиену поддерживать трудно. Я уж не говорю об изысканной метафорике концептуализаций самого Ильина, далеко превосходящей ту, на которую я способен. Да вот хотя бы: «...метафоры, а также связанные с ними слова и выражения обыденного языка, научные понятия и термины существуют самостоятельно и живут своей жизнью. Если они и „гибнут“, то скорее как Феникс, который возрождается из пепла, но „помнит“ о своем происхождении и прежних своих воплощениях»⁸. Или, еще лучше, рассуждение о множестве подвидов «средоточий — ядер, сердец, середин, сердцевин и, наконец, центров»⁹.

⁸ Там же: 91.

⁹ Там же: 88.

Не будучи в состоянии ни операционализировать разницу между метафорами, скажем, «сердца» и «сердцевины», ни вообразить такую операционализацию, ни представить себе, для чего она могла бы понадобиться политической науке¹⁰, я использую для обозначения всего этого класса явлений простое слово «центр». Не слишком интересуясь тем, метафорическое ли это понятие или понятийная метафора.

¹⁰ За вычетом разве что дискурс-анализа — которым, впрочем, ни Ильин, ни я все равно не занимаемся.

Теперь о вещах более важных — о тех моих принципиальных несогласиях с Ильиным, развертывание которых проложит дорогу вон из «золотой клетки». Зачем я с такой настойчивостью ее ищу, зачем так горячусь, когда речь идет о вещах вроде бы предельно отвлеченных и спекулятивных, станет понятно не сразу. Но станет.

Прежде всего я категорически — и категориально — не согласен с предложенной Ильиным модификацией моего определения политической формы. Напомню: в моем понимании политическая форма есть *«интегрированная композиция взаимно комплементарных пространственных метафор власти»*, которая в определенных условиях места и времени, для определенной политики (или для ансамбля политий) играет роль одновременно *«дескриптивную, аскриптивную и прескриптивную... получающая свое отдельное имя уже в качестве метафоры второго порядка»*¹¹.

¹¹ Каспэ [Kaspe] 2012: 13.

NB! Попутно поясню вызвавший недоумение Ильина и, видимо, действительно не до конца ясный оборот «метафора второго порядка». Он прав: тут имелись в виду скорее «„метафорические“ завершения все новых и новых циклов концептуализации», чем «„абсолютизация“ редуцированной когнитивной схемы»¹². Постепенная сборка, подгонка и приспособление друг к другу *отдельных* метафор, использующихся для указания на *отдельные* аспекты отношений господства-подчинения (а иначе как метафорически на них и не укажешь), со временем приводят к их объединению в более или менее плотно сбитый конгломерат — не вполне однородный, пронизанный внутренними напряжениями, но все же достаточно структурированный и довольно интегрированный. Следующим ходом отыскивается метафора, указывающая уже на конгломерат в целом (и тем самым на ассоциированную с ним политику, тоже в целом). Вот ее-то я и назвал «метафорой второго порядка» — то есть «метафорой метафор», содержащей в себе в свернутом и потому уже не очевидном состоянии более частные переносы смысла (метафоры первого порядка). Их обнаружение требует специальной настройки аналитической оптики и нетривиальных мыслительных процедур (хороший пример такой работы дает недавно изданная по-русски книга Филипа Манова¹³). Однако в политической повседневности люди преимущественно обходятся именно укрупненными смысловыми конгломератами — город vs. империя, империя vs. нация, демократия vs. тирания etc. Таковы — перефразируя название знаменитой книги Джорджа Лакоффа и Майкла Джонсона — *political forms we live by. And die for.*

¹² Ильин [Ilyin] 2015: 85.

¹³ Манов [Manow] 2014.

Ильин модифицирует это определение следующим образом: «композиция взаимно комплементарных пространственных (а также темпоральных и иных) метафор власти (и не только власти, но также свободы-мира, порядка и т.п.)», поясняя, что «дополнения в основном

¹⁴ Ильин [Ilyin]
2015: 85.

касаются темпоральности и „невластных“ аспектов политики», и полагая, что тем самым делает определение «проще и отчетливей»¹⁴. Не согласен: и не проще, и не отчетливей.

«Невластных» аспектов политики, на мой взгляд, не бывает. Проблема властвования одних людей над другими неустранимо присутствует и в любом политическом действии, и в любом политическом размышлении. Более того, она субстантивна и конститутивна для них обоих. Разве могут вопросы свободы, мира и порядка обсуждаться в отвлечении от проблемы властвования? И разве в политической практике они решаются (или когда-либо решались) в таком отвлечении? Гарольд Лассуэлл — один из тех авторов, которых мы с Ильиным ценим оба. Поэтому приходится напомнить данное Лассуэллом (в соавторстве с Абрахамом Капланом) классическое определение предмета политической науки, то есть политики *per se*: «образование и распределение власти» (*shaping and sharing of power*)¹⁵. Слово «*shaping*» трудно с полной адекватностью перевести на русский; «образование» — неплохой вариант, но его надо читать как «придание образа». То есть *формы*.

¹⁵ Lasswell, Kaplan
1950: XIV.

Что же касается «темпоральности», то настолько радикальное расширение понятия формы до такой степени противоречит базовому, общеупотребительному (на протяжении последних веков и даже тысячелетий) значению слова, что способно полностью обесмыслить его использование в качестве аналитической категории. Безусловно, пространство и время связаны (все в этом мире связано); но мы же не станем приписывать таким словам, как «час» или «век», пространственные коннотации? Не станем отвечать на вопрос «какова форма этой фигуры?» — «полшестого»? Или на вопрос «сколько времени?» — «треугольник»?

Конечно, формы вообще и политические формы в частности текучи, подвижны и изменчивы (кстати, для меня эталонным примером внимательной, чуткой реконструкции их движения остается замечательная книга Ильина¹⁶). Однако я считаю, что тем *процессуальным* факторам, которые на них разнообразно воздействуют (вызывая их консолидацию и эрозию, деградацию и реновацию), лучше оставить статус *независимых* переменных — и сосредоточиться на политической форме как переменной *зависимой*. Может так случиться, что в результате топологических преобразований квадрат превратится в круг (или, скажем, полис в империю, или империя в национальное государство). Но, во-первых, не его квадратность станет *causa formalis* такого превращения, и совершит он его не сам, не собственной волей (ни у квадрата, ни у империи, ни у государства собственной воли нет — она есть только у людей). Новую форму ему придаст *некто* (кто? этим вопросом еще предстоит задаться). Во-вторых, превратившись в круг, квадрат перестанет быть квадратом. И новую форму, которую примет некогда составлявший его субстрат (множество точек), придется описывать и исследовать заново.

Таким образом, включение в состав понятия политической формы, помимо пространственного смысла (i.e. пространственной мета-

¹⁶ Ильин [Ilyin]
1997.

форики), еще и смысла темпорального (i.e. темпоральной метафорики), не говоря уже о загадочных «иных» метафориках, как раз и приводит к той «концептной натяжке» (conceptual stretching, по Джованни Сартори), которая, по мнению самого же Ильина, «увеличивает хождение» понятия... но ценой «утраты четкости»¹⁷. Я очень хотел бы «увеличить хождение» понятия политической формы — но не такой ценой.

Потому что я считаю, что оно может и должно быть операциональным, причем в усиленном понимании этого определителя. Что оно может — а значит, должно — применяться не только в той das Glasperlenspiel, которой мы с наслаждением отдаемся при первой возможности (да и при последней тоже — уже стоя на краю пропасти), но и в поиске ответов на актуальные политические вызовы. И здесь еще один пункт наших принципиальных расхождений с Ильиным.

Ведь хорошо видно, что он использует понятие политической формы преимущественно в целях ретроспекции. Такое направление взгляда само по себе обладает неоспоримой ценностью и автономным достоинством, и я последний, кто станет это отрицать. В конце концов, не случайно, что наша с Ильиным полемика ведется на страницах журнала «Полития», продолжающего труды и занятия передавшей ему свое название Группы ретроспективной и сравнительной политологии¹⁸. Но ретроспекцию все же не следует абсолютизировать, доводить ее до тотального детерминизма в духе Никколо Макиавелли: «...чтобы знать, что должно случиться, достаточно проследить, что было, потому что все происшествия мира имеют всегда соответствующие отношения с теми, которые уже прошли»¹⁹. Не то чтобы Ильин делал буквально то же самое, но склоняется он все-таки в эту сторону.

Его увлекает «тотальная первобытность»: ведь она «охватывает 95% всей истории человечества. Представьте, сколько метаморфоз совершилось за это время в рамках множества относительно изолированных родов-человечеств. Какой потенциал разнообразия форм был выработан! Что на этом фоне суэта последних 4—5 поколений...»²⁰ (Допустим; затруднение и даже, как сейчас принято выражаться, засада в том, что эти увлекательные метаморфозы мы можем именно и только «вообразать», причем совершенно невозбранно — поскольку никаких источников, по которым их можно было бы доказательно реконструировать, в нашем распоряжении нет и не предвидится.) Он обращается к «ностратическим этимологиям» (мирно признавая их «гадательность»²¹). Он уверенно пишет о «первочеловеческом мире», из которого постепенно вызревает «более отвлеченная инстанция авторитета — чудесной порождающей, плодоносной силы... а фактически лишь средоточия циркуляции власти»²²; о «родовом строе» гоминид, еще только предвоявших появление homo sapiens; о «неясных праформах» и «просвечивающих представлениях»; о вождествах (Herrschaft) и патримониумах; о Чжунго и Маурьях; об «отдельных казусах» афинской архе и киевской державы как о затмевающей сознание «злобе дня»... Наверное, достаточно.

¹⁷ Ильин [Puin] 2015: 90.

¹⁸ См. единственный, но очень важный оставленный ею материальный след: Zubov, Salmin, Taivans [Zubov, Salmin, Taivans] (ред.) 1991.

¹⁹ Макиавелли [Machiavelli] 1998: 517. Попутно замечу: как все-таки интересна эта чисто ньютоновская картина мира — за сто с лишним лет до собственно Ньютона, до «Математических начал натуральной философии»! Мы привыкли думать, что науки о человеке следуют за науками о природе и пользуются их открытиями. Похоже, бывает и наоборот.

²⁰ Ильин [Puin] 2015: 87.

²¹ Там же: 93.

²² Там же: 87.

Все это чрезвычайно интересно и несомненно важно — говорю это совершенно искренне и без малейшей иронии. Однако мой взгляд направлен в другую сторону от точки *hic et nunc*; мой взгляд не ретро-, а проспективен. Меня интересует не только и не столько «откуда мы?», сколько «куда мы идем?». Вот зачем понятию политической формы должна быть придана максимальная операциональность — в, если угодно, *оперативных* целях. Вот почему я протестую против его произвольных расширений, притупляющих это аналитическое орудие. Инструмент должен быть острым. Вот почему я не только отклоняю предложение подсоединить темпоральные аспекты и контексты к понятию политической формы и ограничиваю его пространственными коннотациями, но и остаюсь при своем мнении относительно конфигурации «центр/вертикаль — периферия» как ключевой в ряду пространственных метафор, используемых для указания на конкретные особенности той или иной политической формы и для их различения между собой. Безусловно, таких метафор, обычно носящих бинарный характер, много. Ильин совершенно прав, напоминая о важности оппозиций «верх — низ», «внешнее — внутреннее», «система — среда», «свои — чужие»... Верно; более того, и этот перечень еще не закрыт, в нем как минимум не хватает оппозиции «левое — правое», великолепно исследованной Жаном Лапонсом²³. Но легко видеть, что все названные (подозреваю, что и неназванные тоже) метафоры производны от образа центра, вторичны по отношению к нему. Ось «верх — низ» (то есть *Axis Mundi*) проходит через центр мира или через некую ничем не примечательную точку? Центр вовне или внутри? Среда — внешняя по отношению к системе? Свои — в центре или где-то на горизонте?

²³ Laponce 1981.

Потому что метафора центра — это метафора власти *par excellence*, о чем я подробно писал в первой главе своей книги «Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма»²⁴. Причем власти в самом широком диапазоне ее ипостасей, от «жесткой» власти «легитимного насилия»²⁵ и «реальной возможности физического убийства»²⁶ до «мягкой», символической и символизирующей, но от того не менее действенной власти «номинации как... благословения легитимного видения социального мира»²⁷, власти как «производства истин»²⁸ и «способности придавать некую форму (курсив мой — С.К.) предпочтениям других»²⁹. Снова — в который раз — напоминаю о той восхитительной лапидарности, с которой описывал эту многоликую, но неизменно властную природу центра Эдвард Шилз: «Быть „центром“ означает определять должные объекты ориентаций — путем прямого приказа, рекомендации или олицетворения (*embodiment*). Быть „центром“ означает обладать знанием, которое рассматривается другими как желанное, поразительное или опасное для его обладателя. Быть „центром“ означает быть объектом не только повиновения, но и подражания»³⁰. А значит, и в корпусе политических метафор метафора центра занимает *центральное* во всех смыслах место, и да простится мне эта неуклюжая, но не случайная тавтология.

Но власть по своей природе субъектна.

²⁴ Каспэ [Kaspe] 2007: 11—44.

²⁵ Вебер [Weber] 1990a: 645.

²⁶ Шмимм [Schmitt] 1992: 43.

²⁷ Бурдьё [Bourdieu] 1993: 72.

²⁸ Фуко [Foucault] 2002: 286.

²⁹ Най [Nye] 2006: 31.

³⁰ Shils 1988: 251.

³¹ Фуко [Foucault] 1996: 190.

³² Там же: 192.

NB! Разумеется, если отвергнуть пропагандировавшийся Мишелем Фуко образ «власти без трона»³¹, децентрированной и бесформенной. Что ж, я его отвергаю: по причинам, описанным в той же главе «Центров и иерархий», а पुще и прежде того — прислушиваясь к голосу здравого смысла. Мне кажется, что утверждать, будто «власть — это не некий институт или структура, не какая-то определенная сила, которой некто был бы наделен; это имя, которое дают сложной стратегической ситуации в данном обществе»³², можно либо от полной индифферентности к политическому, порожденной комфортным существованием в башне из слоновой кости, вдали от властных воздействий (что к Фуко вряд ли относится), либо от отчаяния, порожденного как раз чудовишной болезненностью этих непрекращающихся, мучительных воздействий — и невозможностью найти и уничтожить их источник. Как-то само собой приходит на ум стихотворение Гаука, персонажа повести братьев Стругацких «Трудно быть богом», написанное им в предчувствии арканарской резни:

«Теперь не уходят из жизни,
Теперь из жизни уводят.
И если кто-нибудь даже
Захочет, чтоб было иначе,
Опустит слабые руки,
Не зная, где сердце спрута
И есть ли у спрута сердце...»

³³ Фуко [Foucault] 2002: 290.

Но в отчаянии Фуко тоже трудно заподозрить — все, что мы о нем знаем, дезавуирует эту гипотезу, да и он сам ее дезавуировал: «Часто говорилось (и критики ставили мне это в укор), что я, располагая власть везде и всюду, исключаю всякую возможность сопротивления. Как раз наоборот! Я имею в виду, что властные отношения с необходимостью вызывают сопротивление, каждое мгновение взывают к нему, открывают для него возможности»³³. Тут загадка. Не пытаюсь ее разрешить, я все же закончу это отступление продолжением цитаты из Стругацких: «...У спрута есть сердце. И мы знаем, где оно». В центре, конечно.

А если власть субъектна, если ее ключевой метафорой является центр, если субъектом власти является тот, кто находится в центре, и если политическая форма как «интегрированная композиция взаимно комплементарных пространственных метафор власти», играющая роль «одновременно дескриптивную, аскриптивную и прескриптивную», определяется в первую очередь именно специфической метафорикой центра, периферии и вертикали, то... То обрисовывается перспектива операционального (и, повторю, *оперативного*) применения понятия политической формы. Кто, собственно, задает форму? Кто *формирует* политическое? Who shape the power? И *как* он это делает?

Здесь нужно привести довольно обширную цитату из «Центров и иерархий» — чтобы привлечь внимание к одному мимоходом заданному в ней вопросу, на который я тогда так и не попытался ответить и который теперь занимает меня все больше.

«Что значит — иметь центр? Какова, хотя бы в самом общем виде, семантика этого слова, какие смыслы несет оно в себе и внедряет в социальную реальность (или отцеживает из нее)? Словарь Макса Фасмера предлагает следующую генеалогию: „Через нем. Zentrum — то же из лат. centrum от греч. κεντρον “острие (циркуля)”“. Один из лучших этимологических словарей английского языка, The American Heritage® Dictionary of the English Language, уточняет, что κεντρον, в свою очередь, восходит к глаголу κεντεiv — прокалывать, причем морфема kent- отнесена к разряду древнейших индоевропейских корней. Таким образом, понятие „центр“ изначально (по крайней мере, в пределах индоевропейской языковой семьи) содержит некоторые смысловые компоненты, возможно, большей частью латентные, но от того не менее значимые.

Прежде всего: „центр“ есть нечто единичное и при этом, во-первых, окруженное множественностью, во-вторых, производящее ее. Совершаемое циркулем движение очерчивания, выделяющее и ограничивающее фигуру в бесконечной плоскости, *следует за* движением обозначения, намечающим центр будущего круга и делающим возможным его возникновение. Принципиально важно, что одновременно с представлением о центре вводится и представление о вертикали, вторгающейся в плоскость и возвышающейся над ней. Центр появляется в результате воздействия некоей внешней по отношению к плоскости силы, которая помечает своим присутствием единственную точку (что, кстати, позволяет задаться вопросом о критериях ее выбора) — и следующим ходом очерчивает ту совокупность, что будет отныне выступать в качестве порожденной центром и неразрывно с ним связанной периферии»³⁴.

³⁴ Каснэ [Kaspe] 2007: 24.

Вопрос, о котором я говорю, — это, конечно, вопрос о *критериях выбора центральной точки*. Но он повис в воздухе, потому что его имеет смысл адресовать только тому, кто совершает этот выбор. Так кто же держит циркуль? Кто его направляет, кто устанавливает одну его ножку в центр, ipso facto обращающийся из потенциального в актуальный, а другой совершает «движение очерчивания»? Кто определяет режим взаимодействий между центром (который — не надо забывать важную оговорку Шилза — сам представляет собой «целый кластер центров и контрцентров»³⁵), субцентрами и перифериями? Тот, кто это делает, определяет форму; в геометрии — геометрическую, в политике — политическую. Тот, кто это делает, обладает властью установления и конституирования, властью царя, по Эмилю Бенвенисту, то есть властью «отделения внешнего от внутреннего, священного царства от царства профанного, своей земли от чужой»³⁶. И эта власть не просто политическая (хотя политическая тоже); она мета- и супраполитическая, она

³⁵ Shils 1988: 253.

³⁶ Бенвенист [Benveniste] 1995: 252.

предшествует всякой другой политической власти, которая впредь будет осуществляться в назначенных пределах и в положенной форме. Власть *формирующая* в некоторых технических отношениях может уступать более привычной политической власти, действующей уже в рамках определенной формы, — тут я отсылаю к фигуре Законодателя, возможно самой загадочной в политической философии Жан-Жака Руссо, и к ее тонкой интерпретации, предложенной Алексеем Салминым: «„Законодатель“, этот полубог или человекобог, в сущности довольно ничтожная личность, гофмановский „крошка Цахес“, столько же вождь, сколько и раб»³⁷. Впрочем, грань между переменяющей мир *властью установления порядка* и управляющей уже претерпевшим перемену миром, более рутинной *властью поддержания порядка* мыслима лишь аналитически — в реальности она проницаема, причем с обеих сторон. Об этом убедительно свидетельствуют, например, политические биографии таких «отцов-основателей» (Founding Fathers) американской политики, как Джордж Вашингтон, Джон Адамс, Томас Джефферсон, Джеймс Мэдисон, после совершенного ими акта основания возглавлявших и направлявших свое собственное детище уже в гораздо более тесных рамках предписанного конституцией президентского функционала. Или — тоже например — политическая биография Владимира Путина, наоборот, плавно сменившего первоначально предназначавшуюся ему (и исполнявшуюся им) роль хранителя и охранителя худо-бедно сложившегося в первые семь лет после принятия российской Конституции политического порядка на роль его переучредителя (менее *de jure*, более *de facto*, но тем не менее).

³⁷ Салмин [Salmin] 2009: 62.

Спрашивая, кто придает политическому ту или иную форму, я а priori выношу за скобки все неverifiedируемые средствами дисциплинарной (а значит, дисциплинированной) науки ответы. Во-первых, я не верю в какое бы то ни было самодвижение политических конфигураций, в необоримую силу какой бы то ни было традиции, в замкнутые «эволюционные циклы» и «цивилизационные ритмы», будь они неладны³⁸. Мы уже понимаем, что на любой генетический код (да и на любую «духовную скрепу») рано или поздно найдется своя генная инженерия — скажем, опыт двух столь различных корейских политий, равномерно произросших из одной и той же «Страны утренней свежести», свидетельствует об этом с совершенной ясностью. Если *что-то делается*, то это *кто-то делает* — вольно или невольно, рефлексивно или нерефлексивно, автономно или мобилизованно, индивидуально или коллективно, но *делает*.

³⁸ «Эоны» и «хризалиды», которыми избобилуют тексты Ильина, меня тоже смущают.

Единственные акторы истории и политики — это обладающие неотменимой свободой воли человеческие существа. Они действуют то солидарно, то вразброд, равнодействующая их стремлений то слагается в единый вектор таранной мощи, то рассыпается в прах. Но атомарной единицей анализа любой социологии (в том числе социологии политики, которой мы в этом журнале занимаемся) должно остаться веберовское «социальное действие» — то есть «действие человека, <...> кото-

рое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него»³⁹.

³⁹ Вебер [Weber] 1990б: 602—603.

Во-вторых, я — по причинам, экспликация которых стала бы и неуместной, и излишней, — не отрицаю in toto возможности провиденциальных вмешательств в человеческую жизнь вообще и в ее политическое измерение в частности. Однако орудием Провидения все равно становятся исключительно человеческие существа, совершающие определенные (пусть даже отчасти предопределенные) социальные действия — которые, следовательно, все равно находятся в ведении социальных и политических наук. Да, 12 коршунов показались над Палатином, а над Авентином — только шесть. Да, это было небесное знамение будущего центра, caput mundi, arx Romani Imperii⁴⁰. Но провел священную борозду (pomergium), убил Рема и основал Рим, то есть проколол (κεντεῖν) и перекроил ткань человеческого мира по меньшей мере на 12 веков вперед, именно Ромул, а никак не коршуны и не те (тот), кто их послал. И это были вполне социальные действия, совсем по Максусу Веберу.

⁴⁰ Конечно, тут я, как обычно, исхожу из теоремы Томаса: «Если ситуация определяется как реальная, она реальна по своим последствиям» (Thomas W.I., Thomas D.S. 1928: 571—572).

А еще важно принять в расчет, что субъекты, акторы (и индивидуальные, и коллективные) не только создают политические формы, но и разрушают их. Возможно, для того чтобы воздвигнуть новые; возможно, и не преследуя никаких других целей, кроме разрушения (причем и разрушение старой политической метафорики, и конструирование новой, конечно, далеко не только дискурсивные действия, их цена — кровь и кости). Не то чтобы я полностью разделял панический страх Шелдона Уолина, который внушили ему надвигающиеся на Запад «бесформенные формы» власти (formless forms)⁴¹; и я даже не до конца понимаю, что он имел в виду и как мыслим настолько безликий ужас. Бывают и такие формы, которые хуже бесформенности, и их очертания делаются все отчетливее. Но в любом случае следует помнить и воспринимать как *исследовательский вопрос* последние строки стихотворения Йейтса, первая строфа которого стала эпиграфом к этой статье: кто тот «Зверь, чей пробил час теперь, / Грядет на Вифлеем, чтобы родиться»? И что он предпримет, родившись, какими ресурсами воспользуется? Сколько еще времени осталось тем политическим формам, в которых мы сейчас живем, и что придет им на смену? Видимо, операционализация понятия политической формы необходимо требует обращения к проблематике политической субъектности — и нужна прежде всего для ее прояснения (впрочем, et vice versa).

⁴¹ Wolin 2004: 559.

Я бесконечно благодарен Ильину за то, что он направил мои размышления в эту сторону. Я полагаю, что наша полемика оказалась полезна, поскольку прояснила и различия в наших воззрениях на политическую форму, и их, воззрений, обоюдную комплементарность. Я не опровергаю построения Ильина; я просто думаю по-другому и в другой перспективе. Именно политическая субъектность — соположенная понятию политической формы — станет предметом моих дальнейших изысканий.

Библиография

- Бенвенист Э.** 1995. *Словарь индоевропейских социальных терминов.* — М. [Benveniste É. 1995. Slovar' indoevropskikh social'nykh terminov. — М.].
- Бурдьё П.** 1993. Символический порядок и власть номинации // Бурдьё П. *Социология политики.* — М. [Bourdieu P. 1993. Simvolicheskij porjadok i vlast' nominacii // Bourdieu P. Sociologija politiki. — М.].
- Вебер М.** 1990а. Политика как призвание и профессия // Вебер М. *Избранные произведения.* — М. [Weber M. 1990a. Politika kak prizvanie i professija // Weber M. Izbrannye proizvedenija. — М.].
- Вебер М.** 1990б. Основные социологические понятия // Вебер М. *Избранные произведения.* — М. [Weber M. 1990b. Politika kak prizvanie i professija // Weber M. Izbrannye proizvedenija. — М.].
- Зубов А.Б., Салмин А.М., Тайван Л.Л.** (ред.) 1991. *Ретроспективная и сравнительная политология.* Вып. 1. — М. [Zubov A.B., Salmin A.M., Taivans L.L. (red.) 1991. Retrospektivnaja i sravnitel'naja politologija. Vyp. 1. — М.].
- Ильин М.В.** 1997. *Слова и смыслы: Опыт описания ключевых политических понятий.* — М. [Ilyin M.V. 1997. Slova i smysly: Opyt opisanija kljuchevykh politicheskikh ponjatij. — М.].
- Ильин М.В.** 2014. Альтернативные политические формы в исторических временах и цивилизационных пространствах (I) // *Полития.* № 4 [Ilyin M.V. 2014. Al'ternativnye politicheskie formy v istoricheskikh vremenakh i civilizacionnykh prostranstvakh (I) // Politeia. № 4].
- Ильин М.В.** 2015. Альтернативные политические формы в исторических временах и цивилизационных пространствах (II) // *Полития.* № 1 [Ilyin M.V. 2015. Al'ternativnye politicheskie formy v istoricheskikh vremenakh i civilizacionnykh prostranstvakh (II) // Politeia. № 1].
- Каспэ С.И.** 2007. *Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма.* — М. [Kaspe S.I. 2007. Centry i ierarkhii: prostranstvennye metafory vlasti i zapadnaja politicheskaja forma. — М.].
- Каспэ С.И.** 2012. О понятии политической формы // *Полития.* № 4 [Kaspe S.I. 2012. O ponjatii politicheskoy formy // Politeia. № 4].
- Макиавелли Н.** 1998. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // Макиавелли Н. *Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия.* — Ростов-на-Дону [Machiavelli N. 1998. Rassuzhdenija o pervoj deкаде Tita Livija // Machiavelli N. Gosudar'. Rassuzhdenija o pervoj deкаде Tita Livija. — Rostov-na-Donu].
- Манов Ф.** 2014. *В тени королей: Политическая анатомия демократического представительства.* — М. [Manow Ph. 2014. V teni korolej: Politicheskaja anatomija demokraticeskogo predstavitel'stva. — М.].
- Най Дж.** 2006. *Гибкая власть: Как добиться успеха в мировой политике.* — Новосибирск [Nye J. 2006. Gibkaja vlast': Kak dobit'sja uspekha v mirovoj politike. — Novosibirsk].

Салмин А.М. 2009. *Современная демократия: Очерки становления и развития*. — М. [Salmin A.M. 2009. *Sovremennaja demokratija: Oчерki stanovlenija i razvitija*. — М.].

Фуко М. 1996. *Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности*. — М. [Foucault M. 1996. *Volja k istine: Po tu storonu znani-ja, vlasti i seksual'nosti*. — М.].

Фуко М. 2002. Власть и знание // Фуко М. *Интеллектуалы и власть*. Ч.1. — М. [Foucault M. 2002. *Vlast' i znanie* // Foucault M. *Intellektualy i vlast'*. Ch.1. — М.].

Шмитт К. 1992. Понятие политического // *Вопросы социологии*. № 1 [Schmitt C. 1992. *Ponjatje politicheskogo* // *Voprosy sociologii*. № 1].

Laponce J.A. 1981. *Left and Right: The Topography of Political Perceptions*. — Toronto.

Lasswell H.D., Kaplan A. 1950. *Power and Society: A Framework for Political Inquiry*. — New Haven, L.

Shils E. 1988. Center and Periphery: An Idea and its Career, 1935 — 1987 // Greenfeld L., Martin M. (eds.) *Center: Ideas and Institutions*. — Chicago, L.

Thomas W.I., Thomas D.S. 1928. *The Child in America: Behavior Problems and Programs*. — N.Y.

Wolin S. 2004. *Politics and Vision: Continuity and Innovation in Western Political Thought*. — Princeton, Oxford.